

Поражает удивительная зрелость карамзинских суждений о художественном значении русской истории. «Говорят, — писал Карамзин, — что наша история сама по себе менее других занимательна: не думаю; нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, как из Нестора, Никона и проч. могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только русских, но и чужестранцев».¹

В этом отрывке из «Писем русского путешественника» уже содержится суть всей концепции эстетических отношений истории и искусства, которая будет обретать плоть и кровь в последний период творчества Карамзина. Такой вывод не мог иметь характер случайно открывшейся истины — он должен был возникнуть на глубоко продуманных основаниях.

Откуда эта зрелость? Несомненно, она была связана с широкой образованностью Карамзина, отчетливо понимавшего, что «Ричардсон и Фильдинг выучили... писать романы как историю жизни, а Робертсон, Юм, Гиббон влияли в историю привлекательность романа умным расположением действий, живостью приключений и характеров, мыслями и слогом».² Когда Карамзин выпустил в свет «Историю государства Российского», современники совершенно справедливо поспешили наделить автора всеми достоинствами прославленных исторических писателей. «У нас есть История нашего удивительного государства, — писал «Московский телеграф» об «Истории» Карамзина, — написанная с основательностью Маскова, вкусом Робертсона, откровенностью Гианнони и прелестью Вольтера».³

Вместе с тем Карамзин глубоко национален. Его осмысление европейской жизни было обусловлено русской действительностью, русским опытом, в том числе и опытом работы над русской историей. Характер суждений Карамзина о художественном значении русской истории непосредственно восходит к точке зрения М. В. Ломоносова, высказанной им в «Древней российской истории».

Сознавая, что русская история не имеет всемирной славы, как греческая или римская, Ломоносов видел в этом «недостаток в искусстве», а не в истории. «Противу мнения и чаяния многих, — писал он, — толь довольно предки наши оставили на память, что, применясь к летописателям других народов,

¹ Н. М. Карамзин, Избранные сочинения, т. I. Изд. «Художественная литература», М.—Л., 1964, стр. 417. — В дальнейшем: Карамзин.

² Карамзин, стр. 574.

³ Спор в немецких журналах об Истории государства Российского. Московский телеграф, 1827, № 23, стр. 220.